

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 93/94

ЭСЕРОВСКИЕ ВАРИАНТЫ НАРОДНИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ

К.Н. Морозов

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Москва, Россия

mak92@internets.ru

В статье впервые ставится проблема существования демократического и недемократического вариантов народнической модели переустройства России. Последний может быть определен как левый вариант народнической модели социально-политического переустройства России. Он известен в трех подвариантах – максималистском (1904–1906), левоэсеровском (1917) и МПСП-овском (1919–1922). Демократический эсеровский вариант народнической модели также известен в трех подвариантах. Наиболее известный – «черновский», или «центристский», ставший своего рода «эсеровской ортодоксией», – лег в основу официальной доктрины ПСР. Другой был рожден на правом фланге партии и связан с именами Н.Д. Авксентьева, И.И. Фондаминского, В.В. Руднева, М.В. Вишняка. По всей видимости, можно говорить и о складывании еще одного, более правого подварианта, оформлявшегося вокруг газеты «Воля народа» и связанного с именами А.А. Аргунова, А.И. Гуковского, П.А. Сорокина, Е.А. Сталинского. К ним идейно были близки Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков.

Автор полагает, что фактически демократически ориентированная часть эсерства предвосхитила идеи и путь так называемого «шведского социализма», путь эволюционного реформирования общества на путях демократии и социального государства, путь, на который в послевоенной Европе встали многие социалистические и социал-демократические партии. В России на этот путь партия социалистов-революционеров встала уже в 1917 г., и именно эта ее программа преобразований была поддержана большинством населения России на выборах в Учредительное собрание. Более того, эсеровская демократическая альтернатива уже стала осуществляться в рамках принятых Учредительным собранием законов.

Ключевые слова: история партии социалистов-революционеров, модели общественно-политического переустройства России, история общественной мысли, социализация земли, Учредительное собрание.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-135-156

Вопрос о месте эсеровской идеологии и практики в народническом движении, а точнее, о соотношении «старого» и «нового» народничества всё еще остается откры-

тым и требующим дальнейшего осмысления. Существующие дефиниции, такие как «революционное народничество», «либеральное народничество», «неонародниче-

ство» (с подразделением последнего на «левых» народников – эсеров и «правых» – народных социалистов), охватывают лишь часть явления, так как делят народничество лишь по степени его радикальности. Деление народничества на «старое» и «новое», как и выделение в последнем второй парадигмы народничества (эсеровского социализма), также имеет свою логику и оправдание. Но представляется, что и то и другое деление (имея безусловное право на существование) имеют ряд недостатков и неточностей. На наш взгляд, предпочтительнее говорить о народнической модели социального переустройства России (подобно «либеральной модели», которую рассматривает В.В. Шелохаев [29]) с последующим выделением многочисленных вариантов, предложенных народнической мыслью более чем за столетнее ее существование. Данная схема была предложена автором в конце 1990-х гг. [13] и, как представляется, вполне прошла проверку временем. Тогда автор не ставил перед собой задачи дать классификацию различных вариантов народнической модели переустройства России, а стремился к непротиворечивому решению проблем, возникающих при анализе идейных течений и группировок в народничестве XX в., спектр которых был чрезвычайно широк.

С одной стороны, народничество с момента своего возникновения (40-е гг. XIX в.) и до своей гибели имело ряд общих черт. С другой – народничество 40–50-х, 60-х, 70-х, 80-х и 90-х гг. XIX в., а затем и первых десятилетий XX в. было представлено множеством идейных течений и схем, весьма различно решавших целый ряд узловых проблем, порой приводивших различные народнические течения и группировки к конфликту. Нельзя не

отметить, что еще в 2004 г. под редакцией В.В. Шелохаева вышла коллективная монография «Модели общественного переустройства России. XX век», где В.В. Зверев в разделе «Народническая и анархистская модели» написал три главы: «Полемика народников и легальных марксистов о путях модернизации России», «Эсеровский вариант социализма», «Энесовская субмодель» [12, с. 381–461].

Однако, несмотря на значимость его исследования, тема, конечно же, не исчерпана. Нужно всегда иметь в виду, что эсеры не были идейно однородны, что приводило к самым разнообразным последствиям, в том числе и к возникновению фракций и даже к расколу партии социалистов-революционеров (ПСР), и соответственно, к появлению отличных друг от друга концепций о путях и методах достижения социализма и социального переустройства России (разной степени теоретической проработанности и отчетливости).

Поэтому, на мой взгляд, правомернее и правильнее говорить о двух эсеровских вариантах народнической модели общественно-политического переустройства России – демократическом и недемократическом. Последний, трижды рождавшийся в разные исторические эпохи на левом фланге партии, может быть определен по самоназванию этих сил как левонароднический вариант народнической модели социально-политического переустройства России. Он известен в трех своих подвариантах – максималистском (1904–1906), левоэсеровском (1917) и МПСР-овском (1919–1922). Все они находятся за рамками «демократического социализма», вместо традиционной демократии допускали ее усеченный вариант в виде «трудовластия» и в разное время выступали как союзники

большевиков. Часть из них, впрочем, позже стала бороться против них, а часть членов этих партий вошла в РКП(б).

Демократический эсеровский вариант народнической модели известен в трех подвариантах. Наиболее известный – так называемый «черновский», «центристский», ставший своего рода «эсеровской ортодоксией», – лег в основу официальной доктрины ПСР.

Другой был рожден на правом фланге партии и связан с именами Н.Д. Авксентьева, И.И. Фондаминского, В.В. Руднева, М.В. Вишняка и др. Именно эта группа внутри ПСР проделала самую заметную эволюцию к идеям социал-реформизма, рожденного в недрах западноевропейской социал-демократии, и уже в эмиграции ближе всего подошла к «шведской модели» социализма. Вспоминая о взглядах членов группы в 20–30-х гг., М.В. Вишняк писал: «...Одной из характерных и существенных черт было то, что мы не исходили от социализма как основы основ или высшей и абсолютной ценности, а приходили к нему как к следствию и выводу, логически и исторически вытекавшему из гуманизма, демократизма, свободолюбия, достоинства человека, социальной справедливости. ...социализм перестал быть для нас катастрофичным, строящим новое на отрицании и противоположении всему предшествующему, обветшалому... Дух разрушения сменялся волей к творчеству и созиданию. Призыв к ненависти и классовой и национальной борьбе – зовом к солидарности, от класса исходящей и чрез солидарность нации к международному и общечеловеческому содружеству восходящей» [8, с. 182–183].

По всей видимости, можно говорить и о складывании еще одного, еще более пра-

вого подварианта, оформлявшегося во круг газеты «Воля народа» и связанного с именами А.А. Аргунова, А.И. Гуковского, П.А. Сорокина, Е.А. Сталинского. К ним идейно были близки Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков. Но в какой степени он сложился, требует исследования. Часть его деятелей позже отошла от политической деятельности и от ПСР, как П. Сорокин и Е.К. Брешко-Брешковская, Гуковский сотрудничал в «Современных записках» вместе с группой Авксентьева. Б. Савинков был исключен из ПСР в сентябре 1917 г. за двусмысленную роль в переговорах Керенского и Корнилова и создал в 1918 г. свой «Союз защиты родины и свободы», воссоздав его в 1920 г. в Польше как «Народный союз защиты родины и свободы». Он называл себя беспартийным социалистом и пытался сделать ставку на крестьянство. Аргунов и некоторые другие эсеры в 1922 г., как и Савинков, эволюционировали уже за пределы эсеровского социализма и создали новую организационную структуру – «Крестьянская Россия», с одноименным журналом, который на первых порах редактировали А.А. Аргунов, А.А. Бем, С.С. Маслов, П.А. Сорокин. Кроме Бема, все бывшие эсеры крайне правых взглядов.

Пожалуй, единственным крупным эсером правого фланга образца 1917 г., продолжавшим в 20–30-е гг. политическую деятельность в пределах эсеровской парадигмы, оставался Керенский, издававший газету «Дни».

Партия социалистов-революционеров в целом выступила как преемница и продолжательница идей и традиций старого народничества, и прежде всего народо-вольчества. В.Н. Фигнер в 1921 г., затронув проблему «...преемственности идей от На-

родной Воли к партии социалистов-революционеров», констатировала, что «рассмотрение программ этих партий делает эту преемственность очевидной». Сравнив взгляды тех и других на аграрный вопрос, крестьянство, террор, военные организации и народное восстание, В.Н. Фигнер делала следующий вывод: «...то, что было у Народной Воли в неразвитом виде, у социалистов-революционеров получило дополнение и выполнение» [16, с. 8–9]. А В.М. Чернов восклицал: «Партия Социалистов-Революционеров выступает исторически, как идейная наследница и непосредственная продолжательница так называемой “Партии Народной Воли”. Эта преемственная связь признавалась с обеих сторон, т. е. и со стороны начинателей новой партии, и со стороны ветеранов предшествующей эпохи. Она была даже в 1905 г. оформлена символическим актом вышедшего из Шлиссельбургской крепости знаменитого революционера, связанного когда-то лично дружбой с Марксом и Энгельсом, – Г.А. Лопатина, путем передачи через В.М. Чернова в центральную кассу П.С.Р. находившихся с 1883 г. в одном из русских банков остатков фонда Исполнительного Комитета Партии Народной Воли» [4].

Образование партии, кристаллизация ее идеологии и выработка организационных основ протекали весьма сложно. Разброс идейных позиций был весьма велик. Чуть ли не у каждого из будущих видных лидеров ПСР была своя индивидуальная позиция, лишь более или менее совпадавшая со взглядами еще нескольких человек. Так, в 1910 г. на заседании Судебно-Следственной Комиссии (ССК) по делу Азефа В.М. Чернов вспоминал: «Первое время существования партии было мо-

ментом сравнительно большой пестроты в программных воззрениях, так как в состав партии вошли элементы, до того времени занимавшие довольно разные позиции» [17, с. 75–76].

Результатом стремления удержать в нарождающейся партии все оттенки народнической мысли была та ситуация, о которой неоднократно говорил Я.А. Юделевский членам ССК: «Благодаря тому, что в партии было столько различных элементов разных поколений, разных эпох и разных направлений, физиономия партии не была вначале установившейся, и каждое направление могло рассчитывать на то, что коэффициент влияния будет наибольшим именно для этого направления» [3, л. 25]. Проект программы, представленный заграничной группой на съезде заграничных организаций в 1903 г., был подвергнут серьезной редакции.

Немаловажно, что борьба за «наибольший коэффициент влияния» развертывалась в условиях отсутствия устоявшихся и «легитимных» принципов организационного строительства партии, в том числе и принципов создания ЦК, его компетенции, разграничения полномочий с местными организациями и т. д.

Комплекс программных и тактических установок, которые были сформулированы, пропагандировались в партийной печати и защищались от атак оппонентов В.М. Черновым, М.Р. Гоцем, Г.А. Гершуни, Е.К. Брешко-Брешковской. На нем воспитывалась хлынувшая в партию в 1903–1907 гг. молодежь. Взгляды приверженцев «средней» линии («центристов», «ортодоксов») стали взглядами большинства в резко увеличивавшейся партии, что позволило им значительно усилить свои позиции в ЦК и в партии. Но самое важное – им уда-

лось провести и отстаивать свои взгляды на I съезде ПСР, где они легли в основу программы, организационного устава и тактической концепции, приобретающей статус общепартийных, официальных взглядов. Они обрели поддержку подавляющей части делегатов, воспитанных на этих взглядах и рассматривавших их уже как общепартийную «ортодоксию». Другими словами, они победили в борьбе с другими течениями за право выбора комплекса идей и установок и повели за собой партию.

Программа ПСР, в которой в концентрированном виде было сформулировано представление эсеров о переустройстве России, была сначала в качестве проекта опубликована в 1904 г., а затем, после ожесточенных споров, с небольшими изменениями принята на I съезде ПСР, проходившем в Финляндии в декабре 1905 – январе 1906 г. Разгоревшиеся по вопросу о программе-минимум горячие споры отражали принципиально разное понимание делегатами возможности и перспектив развития капитализма в России. Часть делегатов настаивала на детализированном изложении тех требований, за которые партия должна бороться как в рамках существующего строя, так и в рамках буржуазного общества. Главным пунктом расхождения было разное видение судеб капитализма в России и перспектив буржуазного развития страны. Кроме того, делегаты по-разному оценивали степень близости социалистического переворота. Так, делегат от Таврического Союза «Крымский» упрекал Е.Е. Колосова в том, что тот напрасно говорит, что «проект программы не имеет того, что составляло всегда душу партии с.-р. А душу партии с.-р., по его мнению, представляло предвидение близкого социалистического переворота, и это составляло,

по его мнению, наше отличие от западноевропейских товарищей. Самый факт двухлетнего существования программы противоречит его словам» [17, с. 296].

Принятая в итоге на съезде программа отразила победу центристских сил во главе с В.М. Черновым, который, по словам М.В. Вишняка, всю царившую на съезде идейную разногласию «приводил к некоему общему знаменателю», так как «ему не было абсолютно чуждо ни одно из разногласных мнений, высказывавшихся на съезде. В то же время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы, которые можно толковать и так и эдак» [6, с. 122]. Созданная Черновым и победившая во внутрипартийной борьбе концепция и победила-то во многом потому, что позволяла «сгладить» и «примирить» (до некоторой степени) все существующие в эсеровской среде идейные течения.

В результате все ключевые формулировки программы носили компромиссный характер. Начиналась программа с констатации того, что «современная Россия в культурном и социальном отношении входит во все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя при этом, однако, ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения». Исходя из этого «Партия социалистов-революционеров в России рассматривает свое дело как органическую составную часть всемирной борьбы труда против эксплуатации человеческой личности, против стеснительных для ее развития общественных форм, и ведет его в духе общих интересов этой борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности» [20, с. 17, 21].

Сконструированная прежде всего В.М. Черновым эсеровская официальная концепция, вобравшая в себя положения и марксизма, и народничества, исходила из того, что капитализм в странах, где он вырос на собственной основе, и капитализм, пришедший извне, весьма различны. В странах второго типа его хищнические разрушительные тенденции и стороны проявляются сильнее всего. Об этом в программе ПСР говорилось так: «Взаимное отношение между этими положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития различно как для различных отраслей производства, так и для различных стран. Сравнительно благоприятное в высших отраслях индустрии и странах классического капитализма, оно становится всё менее и менее благоприятным в других отраслях промышленности, в особенности же земледелии, и в целых странах, менее благоприятно поставленных в международной экономической борьбе» [20, с. 18]. Поэтому необходимо поддерживать капитализм в городах, в промышленности, где он выполняет прогрессивную роль, и препятствовать его проникновению в земледелие, где он, разрушая традиционную земледельческую культуру, ничего положительного взамен создать не сможет.

Таким образом, эсеры справедливо критиковали марксистские представления о том, что капитализм будет одинаково проявляться в разных странах и вести к одинаковым социально-политическим последствиям, проведя их по этой лестнице с низших ее ступенек к верхним, где все страны ожидает социализм. По логике программы ПСР, напротив: «Взаимоприспособление форм патриархального дворянско-чиновничьего самодержавия и

новейшей буржуазной эксплуатации обостряет постановку социального вопроса в России. Развитие капитализма обнаруживает в ней более чем где-либо свои темные стороны, менее чем где-либо уравновешиваясь творческим, организующим влиянием роста общественных производительных сил» [20, с. 21–22].

Свержение самодержавия не являлось самоцелью, а рассматривалось как необходимый этап на пути достижения конечной цели, которую ставила перед собой ПСР: «...чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения и путем планомерной организованной борьбы совершили социально-революционный переворот, программой которого являются: освобождение всех общественных учреждений из-под власти эксплуатирующих классов; уничтожение, вместе с частной собственностью на естественные силы природы и общественные средства производства, самого деления общества на классы; уничтожение современного классового принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т.е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу» [Там же, с. 20].

Но поскольку осуществление этой программы «предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социал-революционную партию, и в случае необходимости установление его временной революционной диктатуры», до тех пор пока «в качестве революционного меньшинства организованный рабочий класс сможет оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законода-

тельства, – партия социалистов-революционеров будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной, основной цели». Крайне важно сформулированное в программе положение о том, что до «полной победы рабочего класса» и «реорганизации производства и всего общественного строя на социалистических началах» **«процесс преобразования России будет идти под руководством несоциалистических сил»** (выделено автором – К.М.).

Несмотря на это зафиксированное в программе положение, единства у эсеров по вопросу о том, кому будет принадлежать политическая власть после свержения самодержавия, не было. Большинство считало, что власть будет в руках у партий либерально-буржуазного толка при давлении на них социалистических партий (в том числе и через парламент и профсоюзы). Не было единства и в вопросе о длительности переходного периода. В этой связи весьма любопытно свидетельство Б.А. Бабиной о «жарком диспуте» правых и левых эсеров в тюрьме в 1922 г.: «Кто-то из правых эсеров доказывал, что настоящий социализм в России, несущий идеи правды, справедливости и свободы, если и будет когда-нибудь построен, то не раньше, чем через двести лет. Оппонентом выступил Камков, утверждавший, что век революций далеко не закончен и социалистическая система в Европе победит к середине XX столетия...» [5, с. 37].

Из споров о степени близости социалистического переворота вытекали крайне важные практические выводы, разводящие эсеров по разные стороны баррикад. Прежде всего разное отношение к демократии. Для правых эсеров группы Н.Д. Авксентьева и И.И. Фондаминского

социализм виделся в далеком будущем, к которому вело буржуазное развитие, поэтому для сохранения демократии, которая сама по себе представляет ценность, необходим союз и коалиция с либеральными партиями. Эта группа и в годы Гражданской войны, и после нее видела ближайшее будущее России в восстановлении разрушенной экономики «преимущественно на капиталистических началах» и в «образовании здоровой производительной буржуазии...», но обязательно при одновременном максимальном развитии демократии, самоуправления, кооперации, профсоюзов, причем ПСР должна вступать «во взаимодействие, соглашения и связь с другими социалистическими и несоциалистическими демократическими группировками для общих или согласованных действий» [18, с. 929–931].

Напротив, для максималистов и левых эсеров время пробития бреши в капитализме и строительства социализма виделось в настоящем, и, соответственно, то положение о революционно-демократической диктатуре, которое было внесено в программу и которое для правых откладывалось в туманное будущее, для них наступало здесь и сейчас. Соответственно, и главным для них становилось решение социальных задач и строительство социализма, а буржуазия и буржуазные партии – главным врагом, для уничтожения которых можно и нужно ограничить демократию для некоторой части населения. Отсюда и родилась концепция трудовласти, которой придерживались левые эсеры, максималисты и МПСР-овцы и которую критиковали правые эсеры и центристы, выступавшие за традиционную демократию и выборы в Учредительное собрание. Отсюда вытекало и разное отношение к Сове-

там: для левых они были наиболее адекватной формой трудовластия (при наличии межпартийной конкуренции), а по мнению правых и центра эсеровской партии, Советы не могли претендовать на выполнение роли парламентской демократии, поэтому они продолжали отстаивать лозунг Учредительного собрания.

Требование созыва Учредительного собрания было еще в программе партии, причем там оно трактовалось как орган, ликвидирующий самодержавие и избирающий пути дальнейшего развития страны: «Партия социалистов-революционеров, начиная непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Земского собора (Учредительного собрания), свободно избранного всем народом без различия пола, сословий, национальности и религии, для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков» [20, с. 26].

В программе ПСР созыв Учредительного собрания фактически венчал программу-минимум, в рамках которой в «политической и правовой области» предполагалось «отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой» следующие реформы: «Установление демократической республики, с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских»; признание за национальностями «безусловного права на самоопределение; прямое, тайное, равное, всеобщее право голосования для всякого гражданина не моложе 20 лет...; пропорциональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц; полная сво-

бода совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и союзов; полное и всеобщее гражданское равноправие; неприкосновенность личности и жилища; полное отделение церкви от государства и объявление религии делом каждого; установление обязательного равного для всех общего светского образования на государственственный счет; равноправие языков; бесплатность судопроизводства; уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением» [Там же, с. 23].

Стержень этой программы реформ – политические свободы и политическая демократия, в отстаивании которых ортодоксальная часть эсеров была вполне последовательна, так же как и в критике отступлений от этих ценностей. Так, когда на II съезде РСДРП Г.В. Плеханов отказался признать абсолютную ценность «принципов демократии», заявив, что «революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно судить лишь с точки зрения правила: *salus revolutiae suprema lex* (успех революции – высший закон)» (цит. по: [9, с. 8–9]), подобные заявления вызвали резкую критику В.М. Чернова, который писал: «С этим рассуждением мы не можем согласиться по принципиальным этическим основаниям. Перешагнув через вопрос об этической допустимости определенного политического поведения, – как будто последнее и не подлежит никакой принципиальной нравственной оценке, – Плеханов заменил последнюю простым расчетом политической выгоды, хотя бы и с точки зрения такой ценности, как *salus revolutionis*. Но для нас демократические принципы есть не просто поли-

тическое понятие, не просто популярный и удобный лозунг в ряду других лозунгов» [28, с. 90]. Позже В.М. Чернов метко характеризовал марксистскую теорию диктатуры пролетариата как «революционную переделку теории просвещенного абсолютизма» [1, л. 86].

Крайне важны в этом контексте размышления В.М. Чернова о том, что самая демократическая, идеальная конституция, прокламированная в «недемократической по духу, по нравам, по традициям стране», вначале останется только клочком бумаги. Что же нужно для прогресса страны? «Урезанная демократия, даже просто какая-нибудь форма автократии, аристократии, теократии, плутократии? Или предпочесть формальную демократию, не требуя от нее чудес, так как в отличие от всех других “кратий” она ставит меньше всего препятствий «к органическому изживанию чисто бумажного бытия, всевозможных вольностей и прав, к постепенному заполнению и оживотворению демократической формы правления растущим и накапливающимся демократическим содержанием?» [1, л. 57].

В.М. Чернов соглашался с тем, что демократия неполна и однобока, пока она остается лишь политической демократией при отсутствии демократии хозяйственной. «Демократия означает самоуправление. Но пока из компетенции самоуправления изъяты, пока окопами и проволочным заграждением “священной частной собственности” от нее отделены источники материального бытия человечества, средства производства, которыми создается все общественное богатство, – до тех пор это лишь “демократия на ущербе”, демократия, урезанная применительно к самодержавию частного интереса имущих, *juris utendi et abutendi* собственников.

Только когда производство страны будет организовываться общественной волею, только когда собственность на средства производства переродится в социальную функцию индивида по передоверению и по заданиям общества – только тогда и можно будет говорить об интегральной и последовательной демократии. До конца доведенная, все области социального бытия человечества охватывающая демократия – есть социализм. Социализм означает не что иное, как распространение общественной компетенции с поверхности социального бытия вглубь его – на всю область имущественных, материальных, экономических отношений, на всю область производства и распределения благ. Но именно потому, что “интегральная демократия есть социализм” – именно поэтому не **социализм** всякий строй, в котором отсутствует демократия, отсутствует Великая Хартия Вольностей и прав. Если нет полноты свободы без социализма, то нет и никакого социализма без полноты свободы» [Там же, л. 58–59].

По убеждению В.М. Чернова, марксизм чужд подобной постановке вопроса, видя в ней какой-то «фетишизм свободы». Марксизм искусственно вырывает свободу и демократию из «единого и неделимого» тела социалистического общества и делает их лишь ступенями к этому обществу, лишь служебным орудием, лишь средством для его достижения, не имеющим самостоятельной ценности. В.М. Чернов констатировал: «Свобода, личные права, самоуправление – всё, совокупность чего мы зовем демократией, – с нашей точки зрения, наоборот, суть самостоятельные и полноценные культурные ценности. Без них социализм – то же, что организм, из которого вынули душу. Социализм без общественной

и личной свободы – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга» [1, л. 59].

Впрочем, некоторые эсеры и сами все-таки грешили против принципов демократии, что ярко проявилось и во включении в их программу в 1905 г. положения о временной революционной диктатуре рабочего класса, в отходе от идей демократии эсеров-максималистов и особенно в поведении левых эсеров в конце 1917 г., ставших союзниками большевиков, членами Совнаркома, руководителями структур ВЧК и давших свое согласие на разгон Учредительного собрания.

Эсеры-максималисты, левые эсеры и меньшинство ПСР выступали за возможность ограничения, «урезания» демократии и использования насилия как своеобразного инструмента социального преобразования. Не случайно В.М. Чернов называл эсеров-максималистов «предтечами большевизма» [26, с. 134–135], а меньшинство ПСР фактически стало советской партией. Все они увидели во многих мероприятиях большевистской власти тождество с социализаторскими требованиями самих эсеров.

Однако еще в эсеровской программе подчеркивалось, что национализация как форма преобразования народного хозяйства не является панацеей. Важен характер государства, проводящего эту национализацию, чтобы она не привела к усилению «зависимости рабочего класса от правящей бюрократии». Поэтому «партия социалистов-революционеров предостерегает рабочий класс против того “государственного социализма”, который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же – своеобразным государственным капитализмом, сосредото-

чивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей» [20, с. 26].

Переходя к конкретным преобразованиям в «народно-хозяйственной области», программа-минимум эсеров в области рабочего законодательства требовала «возможно большего сокращения рабочего времени в пределах прибавочного труда; установления законодательного максимума рабочего времени согласно нормам, указываемым научной гигиеной (в ближайшее время – восьмичасовая норма для большинства отраслей производства, и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установления минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственного страхования во всех его видах ... на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых, законодательной охраны труда во всех отраслях производства и торговли, согласно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими... профессиональной организации рабочих и их прогрессивно расширяющегося участия в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях» [Там же, с. 24].

Одним из ключевых пунктов программы были преобразования в аграрной сфере – та «социализация земли», которая обеспечила ПСР широкую поддержку крестьянства. В программе подчеркивалось, что «в вопросах аграрной политики и земельных отношений партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственниче-

ских начал как общинные, так вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся», и выдвигалось требование «социализации всех частновладельческих земель, т. е. изъятия их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин и на началах уравнительного пользования» [Там же, с. 24–25].

В концепции эсеров социализация земли трактовалась как пробитие брешки в капитализме и вытеснение его из земледелия, где провозглашалось отсутствие частной собственности на землю, являющуюся общенародным достоянием и обрабатываемую крестьянами, связанными единой сетью кооперации и поддерживающими отношения с городом на основе товарно-денежных отношений. Право распоряжения землей – у созданных самими крестьянами земельных комитетов и органов самоуправления, от волостного до общероссийского.

Видный эсер Н.И. Ракитников отмечал: «Мы, социалисты-революционеры, не разочаровались в общине; но мы лучше ее узнали и стали трезвее к ней относиться. ...И мы построили свою теорию социализма и свою программу на тенденциях хозяйственного развития России и Западной Европы. Вопрос о возможности для России миновать фазу капитализма превратился для нас в вопрос о возможности в каждый данный момент прервать капиталистическое развитие, чтобы заложить основы иного социалистического развития» [14, с. 9]. Проект социализации земли родился как реакция на необходимое суще-

ствование мелкого и среднего земледелия в рамках будущего общества. Французский социалист Делиньер пришел к аналогичной концепции, хотя во Франции давно не было общины. Это позволило Н.И. Ракитникову утверждать: «Теоретически община не играет такой необходимой роли и в нашем построении. Она только условие, благоприятствующее нашей пропаганде в настоящее время и облегчающее проведение социализации земли в будущем. И это ее практическое значение огромно» [Там же].

Общинный коллективизм крестьянства и его отрицательное отношение к частной собственности на землю (земляничья, Божья), по мнению В.М. Чернова, делали крестьянство восприимчивым к «социалистической прививке» [27, с. 115–116]. Для эсеров «будущее земледелия рисовалось не в виде капиталистической, а в виде кооперативной эволюции», причем сама сельская община виделась им как «своеобразный элемент кооперации». В «Конструктивном социализме» он подчеркивал: «Социализация есть не что иное, как распространение начал демократического самоуправления на новую область: на земельное хозяйство страны. ...Столыпин когда-то ставил в своем земельном законодательстве “ставку на сильных”. Большевики одно время ставили ставку на “деревенскую бедноту”, а потом принялись ломать себе голову, как бы поставить “ставку на середняка”, устроив с ним “смычку”. Социалисты-революционеры ставили и ставят ставку на “передовика” – на носителей сельскохозяйственного прогресса и распространителей его через сельскохозяйственную кооперацию на массу трудовых хозяйств» [26, с. 120–132].

Впоследствии видный меньшевик И.Г. Церетели справедливо отмечал: «Осо-

бенная роль Чернова в развитии русской социалистической мысли заключалась в том, что, отстаивая завещанную основоположниками народничества идею сохранения общины как исходного пункта для развития в России высших форм коллективного хозяйства, он вместе с тем европеизировал русское народничество, пропитывая его духом западноевропейского демократического социализма» [23, с. 238–239].

Эсеры были уверены, что ключевые ценности западной цивилизации, ставшие ценностями и европейского демократического социализма: свобода личности, демократия и самоуправление, будут восприняты русским общинным крестьянством, в течение многих веков решавшим все вопросы на общинных (мирских) сходах. Попутно отметим, что на основе этой примитивно-зачаточной формы демократического самоуправления в Средние века выросли вечевые республики Новгорода и Пскова, которые (прежде всего Новгород) развивались в одном темпе с Европой того времени и являлись ее частью [21, с. 121, 125]. Вековой спор общества и власти решился в пользу авторитарной московской власти, но «прямая, непосредственная демократия сохранилась на уровне общины, корпорации. С демократией в повседневной жизни было связано большинство населения: крестьянская, посадская, казачья общины и даже община крепостных. Однако демократия не развивалась, она как бы законсервировалась на низовом уровне» [Там же, с. 150].

Эсеры по сути дела хотели «расконсервировать» демократический потенциал народа, обеспечить максимальное развитие приглушенных, но не подавленных до конца традиций народоправства, закрепленных в мировоззрении народа, но сохранившихся волею обстоятельств только на ни-

зовом уровне. Эсеры полагали, что освобожденные от внешнего диктата демократические традиции крестьянства при определенных условиях смогут перейти на более высокий уровень развития, став основой для превращения страны в подлинное демократическое общество.

Программа социализации земли, обеспечившая эсерам грандиозный успех в 1917 г., в том числе на выборах в Учредительное собрание, явилась своего рода реваншем за провал народнического хождения в народ в 1874 г. Народники и эсеры смогли извлечь урок из этого неудачного эксперимента, когда они шли в народ пропагандировать свои взгляды, совершенно не понимая ни условий жизни крестьянства, ни его психологии. И то и другое позже было очень серьезно изучено народническими экономистами, статистиками, социологами. Эсеры наладили и обратную связь с крестьянством, создали такую модель преобразования страны, которая не только удовлетворяла большинство крестьянства, но и пользовалась большой симпатией и у пролетариата, и у немалой части интеллигенции.

Меньшевик-эмигрант И.Г. Церетели в 1952 г. справедливо отмечал, что до Февральской революции вопрос о жизнеспособности крестьянской общины вызывал в России очень оживленные споры, в которых социал-демократы обеих фракций высмеивали эсеров, но «Февральская революция положила конец спорам по этому последнему вопросу: русское крестьянство, получившее возможность свободного волеизъявления, единодушно высказалось за общинное землевладение. Аграрная программа партии социалистов-революционеров настолько соответствовала идеалам и правосознанию русского крестьянства, что

партия соц.-революционеров, всегда имевшая особенно близкие связи с крестьянством, на другой день после революции стала единственной массовой русской крестьянской партией» [23, с. 219–220].

Тут он солидарен с точкой зрения своего немецкого коллеги Манфреда Хильдермайера, который еще в 1992 г. написал в одной из своих статей: «Единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп, была партия социалистов-революционеров, за исключением крайне левых. ... Дилеммой России была заметная неравномерность ее политической и социально-экономической структуры. Плурализм как средство баланса различных интересов был единственным шансом ее преодоления, а не та внутренняя война, которая была объявлена Апрельскими тезисами» [22].

Безусловно, ПСР больше других партий подходила для такой площадки согласования различных общественных интересов, а кроме того, не надо преувеличивать сутубую крестьянскость эсеровской партии, когда даже саму их концепцию ошибочно называют «крестьянским социализмом». Кстати, сами эсеры среди своих учителей называли не только Герцена и Михайловского, но и Маркса и Энгельса.

Концепция социализации земли резко отличала программу ПСР от программ других российских партий, а вот требования в области финансовой политики, а также муниципального и земского хозяйства шли в русле требований других демократических партий. ПСР выступала за «введение прогрессивного налога на доходы и наследства, при совершенном освобождении от налога мелких доходов ниже

известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд» и за «развитие всякого рода общественных служб (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая организация, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т.п.); за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию кооперации на строго демократических началах» [20, с. 25–26].

Отметим, что главный теоретик эсеровской партии и автор ее программы В.М. Чернов, как он сам говорил, выступил в роли двойного ревизиониста, ревизовав старое народничество и марксизм. В своем черновом наброске В.М. Чернов в 1914 г., готовясь возражать Н.Н. Суханову, объявившему эсерство разновидностью социал-демократии и отрицавшему его связь с народничеством, писал: «Отчего эта преемственная нить так не нравится Сух/анову/? Да от того, что он соверш/енно/ напрасно поверил, будто либо связь с современным научным социализмом, либо преемственная связь с русским народнич/еством/: одно другое исключает. Тут-то и ошибка, как я док/азываю/: народничество само было в органичес/кой/ связи с соврем/енным/ ему междун/ародным/ социализмом. Мы – ревизионисты старого народничества. Мы ревизионисты и марксистской догмы. Ревизионизм слева. Не «обычного типа ревизионизм». Два полож/

ения/: не только и света, что в капитал/истическом/ окошке. Социализм – не побочный рефлекс капит/алистического/ строя, создающего впервые совр/еменный/ индивидуальный/ прот/ест/, а нечто гораздо более универсальное, тесно связанное с кр/естьянскими/ войнами средних веков, с восст/аниями/ рабов древности, с утопиями. Народ как сов/окупность/ трудящихся классов. ...Мы – ревиз/ионисты/ слева. Бережное отношение к капит/ализму/ нам чуждо» [2, л. 421].

Говоря об эсеровском «ревизионизме слева», В.М. Чернов противопоставлял свою концепцию «ревизионизму справа», т. е. ревизионизму Э. Бернштейна и его последователей внутри немецкой социал-демократии. И в то же время использование идей немецких правых социал-демократов Г. Герца, Э. Давида и особенно Э. Бернштейна имело важное значение для формулирования ортодоксальной (черновской) эсеровской концепции [25, с. 336]. Главная идея Бернштейна – длительное поэтапное движение к социализму, который есть результат ряда последовательных реформ, совершенствующих экономику, право и мораль общества, стала основой эсеровской ортодоксальной доктрины. А всё это время – длительный переходный период при существовании смешанной экономики, где продолжает развиваться капитализм в промышленности при ограничении хищнических наклонностей буржуазии.

Но здесь заключается парадокс. С одной стороны, идеи Бернштейна помогли В.М. Чернову, по его собственному замечанию, не повторить ошибок марксистов-ортодоксов. С другой – «небережное» отношение к капитализму, свойственное его концепции (и еще более свойственное максималистам и левым эсерам), привлекло к

партии те левые элементы, которые были склонны к более решительным действиям. Корни этого явления были верно подмечены В.М. Черновым еще в 1910 г., когда он отмечал: «Многие элементы, характеризующиеся нетерпеливым, резко-революционным и непримиримым темпераментом, которым естественнее всего было бы примкнуть к анархизму, шли в ряды ПСР, моральный и политический престиж которой был высоко поднят в глазах публики рядом громких деяний. ... Они-то и явились впоследствии в партии теми центробежными силами, которым не хватало только лидеров для того, чтобы выделиться в особую фракцию или даже в новую партию» [24, с. 178].

У правых эсеров (группа Н.Д. Авксентьева) это отношение трансформировалось позднее в весьма «бережное» отношение к капитализму. Разгадка парадокса в том, что разные течения в эсерстве подчеркивали разные составные части «синтезной» ортодоксальной (черновской) концепции. И если для левых и максималистов главной была та часть концепции, где речь шла о возможности прерывания капиталистического развития в сельском хозяйстве (эта возможность трактовалась весьма расширительно), то для правых эсеров главное заключалось в эволюционном характере эсеровской концепции. Эволюционность ее вытекала прежде всего из того, что решения поставленной задачи – соединения двух культур, двух цивилизаций – немисливо достигнуть только хирургическими, радикальными методами.

Парадокс заключается в том, что часть эсерства, ассимилировав народнические и бернштейнианские идеи (а последние были первоначально восприняты в штыки в среде западноевропейской социал-демо-

кратии, прежде всего германской, славившейся своей силой и ортодоксальностью), в определенной степени обогнала западное социалистическое движение в использовании на практике идей социал-реформистского типа, к которым оно обратилось намного позже. Фактически демократически ориентированная часть эсеров предвосхитила идеи и путь «шведского социализма», путь эволюционного реформирования общества на путях демократии и социального государства, путь, на который в послевоенной Европе встали многие социалистические и социал-демократические партии. В России на этот путь ПСР встала уже в 1917 г., и именно эта ее программа преобразований была поддержана большинством населения России на выборах в Учредительное собрание.

Более того, эсеровская демократическая альтернатива уже стала осуществляться в рамках принятых Учредительным собранием законов. Не разгони большевики при поддержке левых эсеров Учредительное собрание, страна имела бы реальный шанс продолжить свое развитие по пути сохранения политических свобод, многопартийности, демократии и парламентаризма, стремясь к тому, что мы сегодня называем социальным государством и гражданским обществом.

В.М. Чернов, анализируя причины выборных успехов ПСР в 1917 г., констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной популярности, которую завоевала эсеровская программа, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее тактика» [4].

Важно, что эсеры, хотя и ощущали некую чуждость во II Интернационале, где

безраздельно господствовали социал-демократы, тем не менее считали себя частью единого социалистического движения и, более того, считали, что опережают социал-демократов (ортодоксов) в анализе сущности крестьянства и тенденций мировой эволюции. Эсеровская концепция «троединного рабочего класса» также предвосхитила взгляды на этот вопрос европейской социал-демократии, впоследствии отказавшейся от предыдущей абсолютизации значения пролетариата. В.М. Чернов позже подчеркивал: «Партия рассматривала трудовую интеллигенцию как органическую составную часть рабочего класса. Считая особенностью интеллектуального труда, сравнительно с физическим, потребность в неограниченной духовной свободе, партия не упускала случая подчеркнуть в своей литературе, что политическая свобода в самом широком смысле этого слова для нее не есть только средство для борьбы за социальное равенство, но и совершенно самостоятельная культурно-социальная ценность, входящая в состав ее общественно-политической “конечной цели” или идеала.

Вообще П.С.-Р. полагала, что наподобие того, как в лагере “старого порядка” самодержавная бюрократия является соединительным звеном между помещным землевладением и новой буржуазией – так в лагере революции призвание социалистической интеллигенции стать таким же соединительным звеном между пролетариатом индустрии и трудовым крестьянством деревень. Партия С.-Р. и прилагала все усилия к тому, чтобы стать организованным триединством, соединяющим в лагере Труда труд интеллектуальный с физическим, и индустриально-пролетарский с крестьянско-земледельческим» [Там же].

Что же являлось центральным элементом эсеровских взглядов на переустройство России? По этому вопросу существуют разные точки зрения. В.М. Чернов считал основным положением народничества «установку на предполагаемую революционность основной массы трудового населения России – ее крестьянства» [4]. Самая традиционная и самая распространенная точка зрения среди политиков рубежа XIX–XX вв., а потом и историков, – что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России, которая до сих пор и доминирует. Так, например, историк Н.Д. Ерофеев пишет: «Основу эсеровской идеологии составляла перенятая ими у старых народников идея о возможности особого пути России к социализму, не дожидаясь, когда предпосылки для этого будут созданы капитализмом» [19, с. 177].

Автору этой статьи ближе позиция видного эсеровского публициста М.В. Вишняка, который уже в 50-е гг. XX в. в статье «Оправдание народничества» оспаривал этот традиционный взгляд: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором – в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем» [7, с. 232]. Не менее важным признаком народнической идеологии М.В. Вишняк считал подчеркивание ценности человеческой личности, ее свободы и создание демократического общественного устройства. О взаимосвязи «свободолюбия с народолюбием» замечательно сказал М.М. Карпович (один из авторов сборника «Судьбы России», изданного в 1957 г. Объединени-

ем российских народников, возглавляемым А.Ф. Керенским): «...И так же, как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать. ...С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодеятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолюбивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них вообще его не сделали» [10, с. 15–17].

Подобного вывода не сделали и некоторые течения в народничестве и в эсерстве. Если задуматься о том, где в 1917 г. прошел водораздел, разведший по разные стороны баррикад и фронтов Гражданской войны социалистов, – это как раз и будет комплекс вопросов о личности, о демократии и о том, «социализм для народа или народ для социализма». Именно в ответе на эти вопросы объединились на практике, с одной стороны, эсеры и часть меньшевиков, с другой – большевики с левыми эсерами, частью максималистов, меньшевиков, анархистов.

В 1952 г. 14 русских социалистов – эсеров и меньшевиков (Р. Абрамович, В. Александрова, П. Берлин, М. Вишняк, С. Волин, Ю. Денике, М. Джемс, В. Зензи-

нов, Б. Николаевский, М. Хиной, В. Чернов, С. Шварц, Д. Шуб, Е. Юрьевский) – приняли совместное обращение «На пути к единой социалистической партии», считая, что настало время ее создания. В Обращении говорилось о неизбежном крахе большевистского режима, делался экскурс в историю существования двух ветвей социализма и констатировалось, что все предыдущие споры уже разрешены самой историей: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что “социализм” без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое **определение** социализма. Как говорил Вандервельде: “Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет”» [15, с. 31–32].

Значение этого Обращения в том, что последние представители обеих ветвей русского социализма отказались от былых идейных разногласий и признали себя верными идеям и традициям демократического социализма, констатировав, что демократия «входит в самое **определение** социализма». Представляется весьма важным и вывод М.М. Карповича, выразившего общее кредо последних народников: «Подлинное возрождение России может произойти только на путях свободы и народной самостоятельности и в рамках правового демократического государства» [10, с. 25].

Весьма распространен среди историков и тезис об утопичности эсеровской программы. Так, например, Н.Д. Ерофеев считает, что «программа эсеров была весьма привлекательна для широких масс своими социальными обещаниями, но она была

утопична в своей конечной цели. Вряд ли можно признать ее состоятельной с точки зрения насущной для того времени проблемы модернизации страны. В ней практически не уделялось никакого внимания вопросам развития промышленного производства, а отрицание ею частной собственности на землю, ее купли-продажи, запрещение применения наемного труда, строго уравнительное владение землей не создавали условий и для прогресса в сельском хозяйстве. К тому же эсеры недооценивали роль и значение государства в деле преобразования страны. От своих предшественников, народников 70-х годов, они в какой-то мере унаследовали анархическое отношение к этому важнейшему общественному институту. В случае реализации эсеровской программы Россия была бы обречена оставаться сельскохозяйственной страной, и тогда она вряд ли сохранилась бы как великая мировая держава» [19, с. 182].

Нередко наряду с утопизмом эсеровские воззрения, как и народничество в целом, обвиняли в славянофильстве и в консерватизме.

Однако мы не можем согласиться с подобными оценками.

Остановимся на проблеме утопизма конечной цели эсеровской программы – построении социализма. Тут ключевой вопрос в том, готовы ли были эсеры (часть эсеров) отказаться от утопических элементов своей программы, когда они пришли бы в противоречие с практикой. О. Радке справедливо отмечал, что эсеры не стали бы во время своих преобразований расстреливать собственнически ориентированное крестьянство. С этим нельзя не согласиться. Очень важно свидетельство одного из руководителей Самарского Комуча, видного эсера В.Г. Архангельского: «Мы понимали, что

теоретические постановления партии не всегда могут согласоваться с запросами жизни и что обязанность политического деятеля не заключается в том, чтобы рабски копировать или детально проводить в жизнь постановления партии, а, беря их за основу, корректировать в соответствии с требованиями жизни. Если и не было в наших постановлениях принципиальных отклонений от позиции партии, то именно потому, что Комуч считал необходимым разрешить вопрос именно так в силу сознания, что это вызывается интересами государства, а не партии» [11, с. 288–297].

Но самое главное в том, что, несмотря на некоторый утопический элемент, на практике от действий эсеров по защите политических свобод и прав, от их реальной и энергичной работы по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной сельскохозяйственной кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями – была огромная польза. Как представляется, не утопические элементы их воззрений важны, а именно эта большая практическая работа, которая имела бы гигантские результаты и значение в превращении России в развитое европейское общество. И что особенно важно подчеркнуть: люди в этом обществе были бы значительно более свободолюбивы, инициативны и защищены законом, чем в советском да и в современном обществе.

Реальному осуществлению эсеровской демократической альтернативы помешало множество причин как объективного, так и субъективного характера и разной значимости. Если бы летом-осенью 1917 г. обстоятельства сложились по-иному, то Рос-

сия уже тогда имела бы шанс запустить демократический механизм на основе многопартийности, свободных выборов и политических свобод. Кроме того, постепенно сложился бы и механизм мирной смены власти, когда левые партии периодически уступали бразды правления более правым партиям. Эта политическая система была бы очень похожа на послевоенную модель социального государства в Европе – ту модель, которая во многом и обеспечила ее мощное поступательное развитие. Но, увы, история пошла по другому пути, куда более драматичному для страны и ее народов.

С позиций нынешнего века представляется, что демократическая часть эсеровской партии (правые, правоцентристы, центристы и левоцентристы) – это принципиальные и последовательные демократы, и именно приверженность демократии, готовность ее отстаивать и бороться за право народа самому распоряжаться своей судьбой и есть самое существенное в идейно-политическом наследии ПСР.

Литература

1. *Чернов В.М.* Черновые записи и разрозненные статьи В.М. Чернова // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5847. – Оп. 1. – Д. 66.
2. *Чернов В.М.* Черновые записи и наброски для статей В.М. Чернова // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5847. – Оп. 1. – Д. 69.
3. Судебно-следственная комиссия Центрального комитета партии социалистов-революционеров по делу Азефа. Показания Липина (Ю. Делевского) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1699. – Оп. 1. – Д. 127.
4. *Partiia sotsialistov-revolutsionerov. Chernov V.M. Istoriia partii sotsialistov-revolutsionerov* // Hoover Institution Archives. B. Nicolaevsky collection. – Box 10. – F. 5.

5. *Бабина Б.А.* Февраль 1922 / публ. В. Захарова // Минувшее. – 2-е репр. изд. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 2. – С. 7–80.
6. *Вишняк М.В.* Дань прошлому. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
7. *Вишняк М.В.* Оправдание народничества // Новый Журнал. – Нью-Йорк, 1952. – № 30. – С. 225–242.
8. *Вишняк М.В.* «Современные записки»: воспоминания редактора. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 234 с.
9. *Иорданский Н.* Основоположник русской революции (К 4-летию смерти Плеханова) // Историко-революционный вестник. – 1922. – № 1 (4).
10. *Карпович М.М.* Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: сборник статей. – Нью-Йорк, 1957. – Вып. 1.
11. *Климушкин П.А.* Борьба за демократию на Волге // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). – Самара: Самарский госуниверситет, 2004. – С. 283–345.
12. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – 607 с.
13. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 624 с.
14. *Н.М.* Аграрная политика правительства и наша программа // Знамя труда. – 1910. – № 27. – С. 4.
15. На пути к единой социалистической партии // Социалистический вестник. – 1952. – № 3.
16. Памяти Е.С. Созонова // Историко-революционный бюллетень. – М., 1922. – № 1.
17. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1 / редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 1996.
18. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2 / редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2000.
19. Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 2000.
20. Полный сборник платформ всех русских политических партий: с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001.
21. *Семенникова А.И.* Россия в мировом обществе цивилизаций. – Брянск: Курсив, 1995. – 608 с.
22. *Хильдермайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: историки мира спорят. – М.: Наука, 1994.
23. *Церетели И.Г.* Российское крестьянство и В.М. Чернов в 1917 году // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1952. – № 29.
24. *Чернов В.* К характеристике максимализма // Социалист-революционер. – Париж, 1910. – № 1.
25. *Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. – Берлин; СПб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.
26. *Чернов В.М.* Конструктивный социализм. – М.: РОССПЭН, 1997.
27. *Чернов В.М.* Упразднение народничества // Заветы. – СПб., 1914. – № 6.
28. *Чернов В.М.* Этика и политика // Заветы. – СПб., 1912. – № 7.
29. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. – М.: РОССПЭН, 1997.

THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY VARIANTS OF THE NARODNIK MODEL OF THE SOCIO-POLITICAL REORGANIZATION OF RUSSIA

K.N. Morozov

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Moscow, Russian Federation

mak92@internets.ru

The article poses for the first time the problem of the existence of democratic and undemocratic variants of the Populist model of the reorganization of Russia. The latter, born three times in different historical epochs on the left flank of the party, can be determined by the self-designation of these forces, under the common name - as a Left-Narodnik variant of the Narodnik model of the socio-political reorganization of Russia. It is known in three of his sub-variants - the maximalist (1904-1906), the Left Socialist (1917) and the MPSR (1919-1922). The democratic Socialist-Revolutionary version of the populist model is known in three sub-variants. The most famous is the so-called. "Chernovsky", "centrist", which became a kind of "Socialist-Revolutionary orthodoxy" and formed the basis of the official doctrine of the PSR.

Another sub-variant was born on the right flank of the party and is associated with the names of N.D. Avksentyev, I.I. Fondaminsky, V.V. Rudnev, M.V. Vishnyak, and others. Apparently, we can talk about the formation of one more, more right subvariant, which was forming on the right flank of the party around the newspaper "The Will of the People" (Volya Naroda) and is associated with the names of A.A. Argunov, A.I. Gukovsky, P.A. Sorokin, E.A. Stalinsky. They were ideologically close to E.K. Breško-Breshkovskaya, A.F. Kerensky, B.V. Savinkov, and others.

The author believes that, in fact, the democratically oriented part of the Socialist-Revolutionary Party anticipated the ideas and path of the so-called "Swedish socialism," the path of evolutionary reforming of society along the lines of democracy and the social state, a path which was taken by many socialist and social democratic parties in post-war Europe. In Russia, the PSR took this path already in 1917 and it was this program of its transformation that was supported by the majority of the population of Russia at the elections to the Constituent Assembly. Moreover, the Socialist-Revolutionary democratic alternative started to be implemented in the framework of the laws adopted by the Constituent Assembly.

Keywords: the history of the Socialist-Revolutionary Party, the model of the social and political reorganization of Russia, the history of social thought, the socialization of the land, the Constituent Assembly.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-135-156

References

1. Chernov V.M. Chernovye zapisi i razroznennye stat'i V.M. Chernova [Draft entries and scattered articles by V.M. Chernov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of Russian Federation]. F. 5847. Inv. 1. Doc. 66.
2. Chernov V.M. Chernovye zapisi i nabroski dlya statei V.M. Chernova [Draft entries and sketch-

es for the articles by V.M. Chernov]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of Russian Federation]. F. 5847. Inv. 1. Doc. 69.

3. Sudebno-sledstvennaya komissiya Tsentral'nogo komiteta partii sotsialistov-revolutsionerov po delu Azefa. Pokazaniya Lipina (Yu. Delevskogo) [The Judicial-investigation commission of the Central Committee of the socialist-revolutionary

party in the case of Azef. Testimony of Lipin (Yu. Delevsky)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of Russian Federation]. F. 1699. Inv. 1. Doc. 127.

4. Partiiia sotsialistov-revolutsionerov. Chernov V.M. Istoriiia partii sotsialistov-revolutsionerov. *Hoover Institution Archives. B. Nicolaevsky collection*. Box 10. F. 5.

5. Babina B.A. Fevral' 1922 [February 1922]. Publication by V. Zakharov. *Minushee* [The Past]. Moscow, Progress Publ., 1990, vol. 2, pp. 7–80.

6. Vishnyak M.V. *Dan' proshlomu* [Tribute to the past]. New York, Chekhov Publ., 1954.

7. Vishnyak M.V. Opravdanie narodnichestva [Justification of populism]. *Novyi Zhurnal – The New Review*. New York, 1952, no. 30, pp. 225–242.

8. Vishnyak M.V. “*Sovremennye zapiski*”: vospominaniya redaktora [“Modern notes”: Memoirs of the editor]. St. Petersburg, Logos Publ., Dussel'dorf, Goluboi vsadnik Publ., 1993. 234 p.

9. Iordanskii N. Osnovopolozhnik russkoi revolyutsii (K 4-letiyu smerti Plekhanova) [The founder of the Russian revolution (On the 4th anniversary of the death of Plekhanov)]. *Istoriko-revolutsionnyi vestnik – Historical and revolutionary Herald*, 1922, no. 1 (4).

10. Karpovich M.M. Traditsii russkoi obshchestvennoi mysli [Traditions of Russian social thought]. *Sud'by Rossii* [Fates of Russia]. New York, 1957, vol. 1.

11. Klimushkin P.D. Bor'ba za demokratiyu na Volge [Struggle for democracy on the Volga]. Kabytov P.S., Kurskov N.A. *Vtoraya russkaya revolyutsiya: bor'ba za demokratiyu na Srednei Volge v issledovaniyakh, dokumentakh i materialakh (1917–1918 gg.)* [The second Russian revolution: the struggle for democracy in the Middle Volga in studies, documents and materials (1917–1918)]. Samara, Samara State University Publ., 2004, pp. 283–345.

12. Shelokhaev V.V., ed. *Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX vek* [Models of public restructuring in Russia. 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 607 p.

13. Morozov K.N. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of socialist-revolutionaries in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 624 p.

14. N.M. Agrarnaya politika pravitel'stva i nasha programma [The agrarian policy of the government and our program]. *Znamya truda – Banner of Labor*, 1910, no. 27.

15. Na puti k edinoi sotsialisticheskoi partii [Towards a single socialist party]. *Sotsialisticheskii vestnik – Socialist Messenger*, 1952, no. 3.

16. Pamyati E.S. Sozonova [In memory of E.S. Sozonov]. *Istoriko-revolutsionnyi byulleten'* [Historical and revolutionary bulletin]. Moscow, 1922, no. 1.

17. Shelokhaev V.V., ed. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy*. V 3 t. T. 1 [Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996.

18. Shelokhaev V.V., ed. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy*. V 3 t. T. 3, ch. 2 [Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials. In 3 vol. Vol. 3, pt. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000.

19. Zevelev A.I., Sviridenko Yu.P., Shelokhaev V.V., eds. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'* [Political parties of Russia: history and modernity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000.

20. *Polnyi sbornik platform vsekh russkikh politicheskikh partii: s prilozheniem vysochaishego manifesta 17 oktyabrya 1905 g. i vsepoddanneishego doklada grafa Vitte* [A complete collection of platforms of all Russian political parties. With the application of the highest manifesto on October 17, 1905, and the most recent report of Count Witte]. Moscow, The State Historical Public Library of Russia Publ., 2001.

21. Semennikova L.I. *Rossiya v mirovom soobshchestve tsivilizatsii* [Russia in the world community of civilizations]. Bryansk, Kursiv Publ., 1995. 608 p.

22. Khil'dermaier M. Shansy i predely agrarnogo sotsializma v rossiiskoi revolyutsii [Chances and limits of agrarian socialism in the Russian revolution]. *Rossiya v XX veke: istoriki mira sporyat* [Russia in the XXth century: world historians argue]. Moscow, Nauka Publ., 1994.

23. Tsereteli I.G. Rossiiskoe krest'yanstvo i V.M. Chernov v 1917 godu [The Russian peasantry and V.M. Chernov in 1917]. *Novyi zhurnal – The New Review*. New York, 1952, no. 29.

24. Chernov V. K kharakteristike maksimalizma [To the characteristic of maximalism]. *Sotsialist-revolutsioner – Socialist-revolutionary*. Paris, 1910, no. 1.

25. Chernov V.M. *Zapiski sotsialista-revolutsionera* [Notes of the socialist-revolutionary]. Berlin, St. Petersburg, Moscow, Z.I. Grzhebin Publ., 1922.

26. Chernov V.M. *Konstruktivnyi sotsializm* [Constructive socialism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997.

27. Chernov V.M. Uprazhdenie narodnichestva [Abolition of populism]. *Zavety – Covenants*. St. Petersburg, 1914, no. 6.

28. Chernov V.M. Etika i politika [Ethics and politics]. *Zavety – Covenants*. St. Petersburg, 1912, no. 7.

29. Shelokhaev V.V. *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii* [Liberal model of the reorganization of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997.